

*Она сделает все, чтобы
избежать нежеланного брака*

НОЧЬ КОРОЛЕВ

Кристиан
Хандель

Christian Handel

DIE NACHT
DER
KÖNIGINNEN

Кристиан Хангель

НОЧЬ КОРОЛЕВ

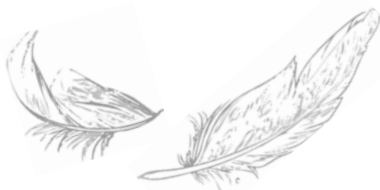
*Королевский двор Торренфелла
Три года спустя*

Каждый раз,
когда я вижу звездные кисти,
мне становится грустно. Каждый
год, когда распускаются эти цветы,
я вспоминаю о том, что мы потеряли.
О том, что все мы натворили в борьбе
за корону, которую на самом деле
никто не хотел. И иногда это бремя
кажется не менее тяжелым,
чем бремя нашей вины.

ПРАЗДНИК ЗВЕЗДНЫХ КИСТЕЙ

*Графство Гримхольд
Наши дни*

Все звуки приглушаются, когда я натягиваю тетиву и сосредотачиваюсь на цели. Фырганье лошадей в конюшне и хруст соломы у них под ногами, бряцание оружия дозорных на крепостной стене, дыхание двух мужчин рядом со мной — все затихает. Я больше не чувствую прохладного ветерка, который приятным весенним вечером гуляет по двору замка. Мой мир сузился до черной отметки в центре соломенного круга в конце длинного стрельбища, метрах в тридцати от меня. Спина напряжена, как тетива лука, а три пальца, которыми я держу стрелу, так и зудят от желания наконец-то пустить ее в полет. Я готова к выстрелу. Я...

Двустворчатые ворота Внешнего Кольца с грохотом распахиваются, и я вздрагиваю от неожиданности. Тетива срывается, запуская стрелу в воздух. Проклятье! Она попадает в мишень, но более чем в двух ладонях от черного круга, в который я метила. Ветры Виркай!

Слышу детский смех и стук лошадиных копыт по булыжнику. О покое во внутреннем дворе замка теперь можно забыть. Это отец с моими братьями вернулся с праздника Звездных кистей.

С досадой опускаю лук.

— Ты не виновата, — пытается утешить меня Кеншин.

Рубен, которому все еще не по себе, когда Кеншин обращается ко мне так фамильярно, бросается, чтобы забрать у меня стрелу, но тот останавливает его:

— Подожди. Вдруг второй выстрел окажется более удачным?

— Надеюсь, мы узнаем об этом по тому, как стрела попадет прямо в цель, — говорю я, но больше не лезу в колчан.

Кеншин — наш первый егерь. В детстве он называл меня госпожой, как и другие слуги. Однако с тех пор, как начал обучать меня стрельбе из лука, Кеншин стал обращаться ко мне более фамильярно. Я не против. Мы достаточно долго пролежали вместе в грязи в ожидании добычи, чтобы не соблюдать этих условностей. Он научил меня стрелять диких уток в полете и куропаток в высокой траве. Обычно я бываю более меткой, чем сегодня.

— Аликс! — Конли соскальзывает с седла и мчит-ся ко мне.

Дафнус бросается следом. Брайант спускается с лошади с чуть большим достоинством. Флетчер, очевидно, спит в объятиях папы. Я больше не злюсь из-за неудачного выстрела и расплываюсь в улыбке. Что за удивительный ребенок! Скорее всего, они ездили на праздник в Небелауэнталь, и наш птенчик получил слишком много впечатлений от шума и веселья во-

круг. А ведь еще утром он капризничал, потому что не желал идти на праздник Звездных кистей. Я хотела отдать лук Кеншину и забрать Флетчера у отца, но меня настигли Конли и Дафнус.

— Аликс! — снова кричит Конли, да так громко, будто я глухая. Его личико покраснелось, глаза блещут от волнения.

— Тише, — говорю я. — Я тебя прекрасно слышу.

— Ну почему ты не поехала с нами? Было так здорово! Правда? Правда же, Дафнус?

Он старается говорить спокойнее, но сегодняшние впечатления льются из него, как горный источник из расщелины. Там были жонглеры. Они натянули веревку между двумя деревьями и танцевали на ней. А еще метали ножи, жонглировали мячами и показывали спектакль — о змее, которая хотела стать королем...

Я с беспокойством поглядываю на папу, который уже успел спешиться. Брайант взял Флетчера на руки, а девушки с конюшни занялись лошадьми.

Конли бодро продолжает:

— Мы ели фрукты в меду, а еще там были танцы, и жареный кабан, и две жрицы Божественных Сестер! Только представь: у них в клетке был Зимний волк!

— Вот это да! Тогда будем надеяться, что он от них не сбежит и не принесет нам мороз, лед и вьюгу. Зимой нам уже хватило.

— Да мы знаем, что это был ненастоящий Зимний волк, — вмешивается Дафнус. — Папа говорит, это просто старый пес, который изображает Зимнего волка. А после представления жрицы выпускают его и дают в награду лакомства. — Оглянувшись, он добавляет: — Правда, Флетчер все равно испугался.

Я не удивлена.

Конли продолжает:

— Я бы тоже хотел дать ему что-нибудь вкусное, даже если это всего лишь собака. Как думаешь, он дал бы мне себя погладить?

Прежде чем я успеваю ответить, он уже тараторит дальше:

— Все фонари были украшены яркими лентами. Ты бы видела, Аликс!

Я бы не отказалась. Небелауэнталь располагается в долине между двумя зелеными холмами. Как поется в одной из песен, они похожи на застывшие волны изумрудного океана. Не сомневаюсь, после этой дождливой весны долина цветет пышнее, чем когда-либо, и озеро Небелауэн на самом юге сияет в лучах полуденного солнца, как драгоценный камень.

Конли крепко обнимает меня, но тут же морщит нос.

— Ты пахнешь конюшней, — говорит он, не выпуская меня из объятий.

Я смеюсь и взъерошиваю ему волосы. У Конли каштановые кудри, как у отца и всех нас, детей семейства Гримхольд. Только братья острижены коротко, а у меня волосы ниже плеч, если не собраны в узел, как сегодня.

— Ну так! Я вообще-то работала целый день, а не лопала сладости и не плела венки.

Конли запрокидывает голову и смотрит на меня:

— Они короновали дочь сапожника и объявили ее Весенней невестой. Тебе бы венец из звездных кистей подошел гораздо больше.

— Мне вообще не нужен венец, — заявляю я и целую его в макушку. — К тому же благородных дам не выбирают в качестве Весенних невест. Праздник

Звездных кистей придуман как раз для того, чтобы отдать дань уважения тяжелому труду ремесленников и по праву оценить все, что они делают для графства.

— А почему роль Девы, Несущей Свет всегда достается благородной даме?

— Мы тебе кое-что принесли, — говорит Брайант, и я только сейчас замечаю, что он стоит рядом.

Папа подходит к нам с блаженно спящим Флетчером на руках, и Кеншин с Рубеном склоняются в знак почтения. Брайант протягивает мне мешочек из грубого льна. Какой соблазнительный аромат!

— Праздничный пирог? — с надеждой спрашиваю я и хватаю мешочек.

Брайант кивает.

— Спасибо.

— Для тети мы тоже взяли, — сообщает папа и останавливается рядом со мной.

Его считают очень высоким, но я уже почти касаюсь плечом его плеч.

— Спасибо, — еще раз благодарю я и отдаю мешочек Брайанту. — А не пора бы вам бежать наверх и умыться? Вот-вот стемнеет, а вы еще захотите пожелать спокойной ночи тете Камилле и рассказать о поездке.

Конли и Дафнус закатывают глаза. Умыться им явно не хочется. А вот тетю Камиллу они любят. Брайант со свойственным ему благоразумием серьезно кивает, убирает мешочек с пирогом в карман куртки и собирает младших братьев, чтобы отвести их во дворец, несмотря на их невнятные возражения.

— Мы сейчас подойдем, — заверяет их отец, крепче обнимая спящего Флетчера.

— Зажжение Весеннего огня прошло без происшествий? — спрашиваю я, когда мальчики скрываются из виду.

— Леди Карисс безукоризненно справилась с ролью Девы, Несущей Свет! — с блеском в глазах отвечает отец.

Весеннюю невесту всегда выбирают из народа, а роль Девы, Несущей Свет, разжигающей факелом большой костер на закате Дня Звездных кистей, традиционно достается благородной даме. Раньше этот ритуал выполняла мама. После ее смерти Девой, Несущей Свет стала тетя Камилла. В прошлом году она была уже слишком больна, и когда эта почетная роль досталась мне, костер разгорелся чуть раньше, чем следовало.

— Безукоризненно, — повторяю я за папой. — Не сомневаюсь.

Мне кажется или он немного покраснел? С трудом сохраняю невозмутимый вид:

— Ты что, задумал снова жениться?

Папины глаза расширяются от удивления.

— Нет, — торопливо отвечает он. — Сначала твоя очередь.

— Для этого нужен хотя бы кандидат.

Несмотря на мой непринужденный тон, сердце начинает биться сильнее. Я не хочу выходить замуж, по крайней мере пока. Дочь графа, достигшая брачного возраста, не будет иметь недостатка в претендентах. Но я люблю свою жизнь такой, какая она есть. Мне нравится жить здесь, в замке, с отцом, братьями и тетей Камиллой, и я не хочу ничего менять.

Отец, как всегда, словно читает мои мысли и, слава Божественным Близнецам, не давит на меня. Он лишь

окидывает взглядом лук у меня в руке, затем стрелу в мишени и удивленно приподнимает бровь.

— Вы напугали меня, — оправдываюсь я. — Я выпустила стрелу по ошибке. К тому же к новому луку надо еще приноровиться.

Это, кстати, правда. Новый лук немного больше и более тугой, чем старый. Первые несколько раз тетива больно задевала внутреннюю сторону предплечья, хотя с тренировочным луком, который я использовала последние два года, такого давно не случалось. Папа подарил мне большой лук на семнадцатилетие, месяц назад.

— Я пока не привыкла к нему.

— Попробуй еще раз, — предлагает папа, перекладывая Флетчера из левой руки в правую.

Я откидываю голову назад, распрямляю плечи и достаю из колчана новую стрелу. Встаю в правильную позицию: ноги параллельны друг другу, туловище чуть наклонено вперед. Спокойно поднимаю лук и натягиваю тетиву, стараясь держать плечи ровно. Концентрируюсь на цели.

— Старайся дышать животом, — советует папа, как будто я этого не знаю.

Впрочем, он прав. Дышу медленнее и глубже. Все остальное отходит на задний план.

Раз. Два. Пускаю стрелу. Наконечник с приятным глухим стуком вонзается в мишень.

— Очень хорошо, — хвалит папа.

Я снова не попала в центр, но на этот раз стрела оказалась на краю черного круга.

— Как там новый жеребенок? — спрашивает отец по дороге к дворцу.

Я тут же забываю о неудавшемся выстреле и своей досаде:

— Уже намного лучше. Думаю, он выживет.

Я действительно осталась сегодня помогать кухаркам и садовникам, которые проводили работы в саду, но главная причина, по которой я пропустила праздник Звездных кистей, была иной: моя любимая кобыла, Летний Ветерок, родила жеребенка две ночи назад. Поначалу он казался слабым и болезненным, но сейчас постепенно идет на поправку. А еще мне (очень кстати!) удалось избежать необходимости выступать в качестве официального представителя графской семьи.

Отец удовлетворенно улыбается. Боковым зрением вижу, что Флетчер по-прежнему крепко спит у него на руках.

— Это правда, что артисты показывали спектакль о Змеином короле?

От беспокойства у меня во рту появляется горький привкус. Папина улыбка исчезает.

— Я с ними серьезно поговорил.

— Я беспокоюсь не об артистах.

— Я поговорю и с твоими братьями, прямо с утра.

— Мне... — начинаю я, но отец не хочет дальше слушать:

— Я позабочусь об этом. Я и так слишком обременяю вас с тетей.

— О чем был спектакль?

— Аликс.

— Папа.

Он тяжело вздыхает:

— Сказка, басня. Ничего больше.

Я упрямо молчу, и отец нехотя продолжает:

— Однажды утром верховный канцлер обнаружил, что на королевском троне уютно устроился змей.

Змей требует, чтобы его короновали, и вонзает ядовитые клыки в каждого, кто пытается снять его с трона.

— Не припомню такой сказки, — мрачно замечаю я, поднимаясь на высокую ступень лестницы, ведущей в замок. Камень под ногой шатается. — А что, если в народе пойдут толки?

— Гримхольды не дураки, — успокаивает отец. — Да и король очень далеко.

— Не так уж и далеко. Днем приходил королевский гонец, принес тебе письмо.

Отец замирает.

— Королевский гонец? Сегодня? Я не ждал вестей раньше следующей недели.

— Он прибыл вскоре после вашего отъезда. Я даже думала, вы встретились на Большой Западной улице.

— Дафнус захотел поехать через дубовую рощу. Где он сейчас?

— Гонец? Он сразу уехал. Хотел как можно скорее добраться до Воронова ущелья с посланием для герцогини.

Отцу это явно не нравится. Письмо от нового короля, да еще и неожиданно... Это явно не к добру.

— Я положила письмо тебе на письменный стол.

Подставляю руки, чтобы перехватить спящего Флетчера. Папа кивает и передает мне брата. Флетчер как-то потяжелел, пока ходил смотреть на Зимнего волка.

Отец направляется к астрономической башне. В свободное время он больше всего любит наблюдать за звездами, поэтому обустроил свой кабинет именно там, прямо под крышей.

— Ты читала письмо? — спрашивает он.

— Конечно, нет.

— Зайди потом ко мне, когда отнесешь Гнома в кровать. Поговорим.

— Гномом его скоро не назовешь, — отвечаю я, стараясь сохранить легкий тон, хотя мне совсем не весело. — Тяжеленький уже стал.

— Давай я, — предлагает папа, но я качаю головой:

— Я справлюсь. Лучше прочитай письмо.

Отец гладит меня по щеке согнутым пальцем.

Я пытаюсь выглядеть оптимистично, но вымученная улыбка угасает, как огонек свечи на ветру.

— Мало ли, вдруг там хорошие новости.

Мне хочется успокоить нас обоих, но, поднимаясь по лестнице в спальню, я всю дорогу возвращаюсь мыслями к спектаклю на празднике Звездных кистей. Никакая это не сказка. У нашего нового короля действительно ядовитые клыки. До сих пор он свирепствовал только в столице. И нам всем будет лучше, если Гримхольд не станет привлекать лишнего внимания с его стороны.

